

ПСИХОЛОГИЯ — ПРАКТИКЕ

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-35>

УДК 159.9, 159.99

Взаимосвязь психологического благополучия и адаптации к рискам цифрового мира в молодежном возрасте

Е.П. Белинская✉, З.Д. Шаехов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

✉ elena_belinskaya@list.ru

Резюме

Актуальность. Психологическое благополучие современного человека во многом связано с его адаптацией к рискам цифрового мира. Обзор современных исследований психологических следствий повседневной цифровизации позволяет утверждать, что последние затрагивают все сферы личности — мотивационную, когнитивную, аффективную, а также особенности самосознания.

Цель. Определение возможных взаимосвязей уровня психологического благополучия и содержательно связанных с ним личностных диспозиций (жизнестойкости и диспозиционного оптимизма) с особенностями адаптации к цифровой повседневности.

Выборка. Исследование проведено на молодежной выборке из 131 человека, средний возраст которых составлял 22,8 лет (медиана возраста = 21), 118 респондентов женского пола, 13 — мужского пола).

Методы. В работе использованы стандартизированные шкалы психологического благополучия, жизнестойкости, диспозиционного оптимизма и специально разработанный для целей исследования опросник, направленный на выявление уровня психологической адаптации к цифровизации, включавший в себя шкалы цифровой тревожности, поведенческой, коммуникативной и нормативной адаптации.

Результаты. Проверка надежности шкал опросника психологической адаптации к цифровизации дала приемлемые результаты. Показатели цифровой тревожности отрицательно связаны с показателями психологического благополучия, жизнестойкости и диспозиционного оптимизма. Поведенческая и нормативная адаптация к рискам цифрового мира не связаны с психоло-

гическим благополучием и диспозиционным оптимизмом, но положительно коррелируют с жизнестойкостью. Показатели коммуникативной адаптации оказались не связаны ни с одной из использованных методик.

Выводы. Современная молодежь обладает развернутым репертуаром навыков для обеспечения собственной цифровой безопасности и организации осознанного информационного поиска, но при этом следует определенным нормам виртуального взаимодействия, созвучным социальным нормативам. Однако это не повышает уверенности молодых людей в способности защитить себя и влиять на собственную цифровую повседневность, что и объясняет в целом слабую связанность показателей адаптации с психологическим благополучием, общей жизнестойкостью и диспозиционным оптимизмом.

Ключевые слова: глобальные риски, адаптация к цифровизации, молодежный возраст, психологическое благополучие, диспозиционный оптимизм, жизнестойкость.

Информация о финансировании. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-18-00230 «Предикторы психологической адаптации личности в ситуации глобальных рисков цифрового мира: межпоколенческий и гендерный анализ».

Для цитирования: Белинская Е.П., Шаехов З.Д. Взаимосвязь психологического благополучия и адаптации к рискам цифрового мира в молодежном возрасте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 3. С. 239–260. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-35>

PSYCHOLOGY TO PRACTICE

Scientific Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-35>

Psychological well-being and adaptation to the risks of digital world at a young age

Elena P. Belinskaya ✉, Zahir D. Shaekhov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉elena_belinskaya@list.ru

Abstract

Background. Psychological well-being of a modern person is largely connected with his adaptation to the risks of the digital world. A review of modern studies into psychological consequences of everyday digitalization suggests that the latter

affects all areas of the personality: motivational, cognitive, and affective ones, as well as the features of self-awareness.

Objective. The task of the pilot study was to determine the possible relationships between the level of psychological well-being and the content of personal dispositions related to it (hardiness and dispositional optimism) with the features of adaptation to digital everyday life.

Sample. The study was conducted on a youth sample of 131 people. The average age of respondents was 22.8 years (median age = 21), 118 females, 13 male respondents).

Methods. The paper uses standardized scales of psychological well-being, resilience, dispositional optimism and a questionnaire specially designed for the purposes of the study aimed at identifying the level of psychological adaptation to digitalization, which included the scales of digital anxiety, behavioral, communicative and normative adaptation.

Results. The check of reliability of the scales in the questionnaire of psychological adaptation to digitalization gave acceptable results. Indicators of digital anxiety are negatively associated with indicators of psychological well-being, resilience and dispositional optimism. Behavioral and normative adaptation to the risks of digital world are not associated with psychological well-being and dispositional optimism, though they do positively correlate with resilience. Indicators of communicative adaptation were not associated with any of the methods used.

Conclusion. Modern youth have a developed repertoire of skills to ensure their own digital security and to organize a conscious information search, though at the same time they follow certain norms of virtual interaction that are consonant with social norms. However, this does not increase confidence in the ability to protect oneself and influence one's own digital everyday life, which explains the generally weak correlation of indicators of digital adaptation with psychological well-being, general resilience and dispositional optimism.

Keywords: global risks, adaptation to digitalization, youth age, psychological well-being, dispositional optimism, resilience

Acknowledgements. The study was financially supported by the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project No. 22-18-00230 «Predictors of psychological adaptation of the individual in the situation of global risks of the digital world: intergenerational and gender analysis».

For citation: Belinskaya, E.P., Shaekhov, Z.D. (2023). Psychological well-being and adaptation to the risks of digital world at a young age. *Lomonosov Psychology Journal*, 46 (3), 239–260. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-35>

Введение

Начавшись как эпоха быстрых социальных изменений, сегодняшняя динамика социального пространства теряет однозначность потенциальных векторов своего развития, а потому квалифицируется как неопределенная. Более того, сейчас все чаще в социологическом, социально-экономическом и социально-психологическом анализе современности представлены ее определения как эпохи глобальных рисков (Емельянова, Нестик, 2018; Нестик, Журавлев, 2021; *The Global Risks Report 2016*; Rönnlund et al., 2019; Clayton et al., 2017). Тем самым особенности самого бытия нашего современника мыслятся как постоянная и комплексная угроза его жизнедеятельности и благополучию, в том числе — психологическому. Очевидно, что это предъявляет к социальным субъектам повышенные требования в ситуациях любого активного действия, а потому становится сильным вызовом их адаптационным возможностям.

Среди выделяемых исследователями параметров объективной ситуации нарастающих глобальных рисков максимально представлены следующие: новизна, сложность и противоречивость многих социальных процессов; объективная множественность потенциальных выборов и решений в сочетании со слабой предсказуемостью их успешности для всех социальных субъектов; а также сниженные возможности контроля с их стороны за динамикой социального пространства. Подобная объективная ситуация не может не иметь выраженных психологических следствий, отражаясь в динамике мотивационной, когнитивной, аффективной сфер (Марцинковская, 2019).

Неудивительно поэтому, что в большинстве психологических исследований преимущественно рассматриваются не сами глобальные угрозы, а особенности их восприятия, переживания и антиципации различными социальными субъектами. Так, в частности, сегодня фокус исследовательского внимания сосредоточен на таких психологических характеристиках следствий глобальных рисков, как их разрушительность для веры человека в свою способность влиять на будущее, амбивалентность оценки возможных способов их предотвращения, включенность социальных представлений о глобальных рисках в процесс восприятия межгрупповых отношений (*Attitudes to global risk and governance survey 2018*; Avin, et al., 2018; Нестик, Журавлев, 2018; Нестик, Задорин, 2020). Все это позволяет говорить о кумулятивном стрессовом характере современных глобальных

рисков, что закономерно затрудняет для человека возможности психологической адаптации к ним в силу многих и разноуровневых следствий: необходимости поиска новых ресурсов совладания (Yu et al., 2020), возникновения и распространения сильных аффективных реакций — чувства неопределенности, тревоги и страха (Ениколопов и др., 2019; Jacobson et al., 2020; Montemurro, 2020), снижения возможности планирования личной и профессиональной жизни (Асмолов и др., 2020) и т.п. Подобные психологические следствия закономерно снижают качество жизни нашего современника, отражаясь на общем уровне его психологического благополучия.

Отмеченные проблемы сегодня усугубляются еще и тем, что на эти процессы в значительной степени влияет общий процесс цифровизации всех сфер жизнедеятельности человека: грань между реальностью и виртуальностью становится в той или иной степени все более «размытой» для представителей разных поколений, в силу чего индивидуальное психологическое благополучие все в большей степени оказывается связано с особенностями виртуального общения и взаимодействия. Особое значение подобная феноменология имеет для молодежного возраста в силу, как минимум, двух обстоятельств.

Во-первых, по времени своего рождения и особенностям ранней социализации эта возрастная когорта может быть причислена к так называемым «digital natives», то есть к тем, кто «родился с гаджетом в руках», для кого реальность и виртуальность мира оказываются все более и более пересекающимися (Твенге, 2019; Радаев, 2020; Tkhostov, Rikel, Vialkova, 2022), а потому риски цифровизации повседневности для них, возможно, являются менее «выпуклыми». Во-вторых, на данном возрастном этапе перед взрослеющим человеком стоит целый ряд традиционных задач социализации, связанных с различными социальными выборами, которые в современных условиях социальной неопределенности не так просто решить. И потому вопрос достаточного уровня психологического благополучия в этом возрасте имеет не только актуальное, но и более пролонгированное значение с точки зрения решения задач развития.

Сегодня исследователи обращают внимание на постоянно возрастающую роль информационных потоков в социализационных процессах. При этом, как отмечается, сами отношения индивида и информации могут быть разными с точки зрения уровня выраженности его субъектности: от активного конструирования до пассивного потребления (Панов, Патраков, 2020). Однако степень активности человека по отношению к потребляемой информации,

будучи своеобразной «подушкой безопасности», еще не гарантирует всеобъемлющей защиты. Дело в том, что современные информационные потоки характеризует не только постоянное нарастание объема информационного воздействия, но и упрощенная система поиска информации, алгоритмизация ее выбора, возможность массового воспроизводства и ретрансляции, а это уже предъявляет более конкретные вызовы к когнитивно-аффективной сфере человека.

Так, с точки зрения психологических рисков для развития когнитивной сферы субъекта в ситуации цифровизации выделяют: снижение требований к активности в процессе познания, затруднения в формировании произвольного внимания и смысловой памяти (Карпов, Воронова, 2021); снижение уровня критического мышления, способности к самостоятельному созданию интеллектуального продукта (Храпов, Баева, 2021); изменение самого содержания высших психических функций, прежде всего — произвольного запоминания (Sparrow, Liu, Wegner, 2011); изменение образа мира в силу все большего смешения онлайн и оффлайн существования (Floridi, 2014; Солдатова, Рассказова, 2020) и возникновения так называемой «гиперподключенности» (Brubaker, 2020; Otrell-Cass, 2019).

Наряду с этим выделяют и группу рисков, связанных с аффективной сферой, которые, в свою очередь, во многом связаны с динамикой коммуникативных процессов в условиях цифровизации. Так, например: трансформации обратной связи приводят к сокращению высказываний и обеднению возможностей выражения эмпатии (Панов, Патраков, 2020); возникновение новых норм и в определенной степени нового языка коммуникации (*net-language*), свойственных общению в виртуальных средах, ставит вопрос о возможности полноценного вербального выражения своих чувств (Przybylski, Weinstein, 2013; Белинская, 2015); особенности когнитивных искажений при протекании конфликтного взаимодействия в пространстве социальных сетей приводят к быстрой эскалации вербальной агрессии (Белинская, Илюхина, 2018). Отметим, что в отличие от исследований рисков цифровизации для когнитивной сферы субъекта, изучение ее следствий для аффективных проявлений представлено более фрагментарно, что связано прежде всего с трудностями методического характера: необходимостью фиксации текущих аффективных состояний в ситуации «смешанной» реальности.

Отметим, что одним из способов как теоретико-методологического обобщения множественной и разноуровневой эмпирики, отражающей следствия цифровизации для когнитивно-аффективной

сферы взрослеющего человека, так и преодоления избыточной оценочности в ее трактовке является позиция «новой нормальности», для которой характерно утверждение в качестве стандарта настоящего момента. С этой точки зрения указанные особенности есть не столько риски, сколько новые характеристики сознания человека цифровой эпохи (Файола, Войскунский, Богачева, 2016).

Представляется необходимым также выделить и те психологические риски цифровизации, которые затрагивают личность человека цифрового мира. Стоит отметить, что следствия новых информационных технологий для личности пользователя являются, пожалуй, наиболее традиционным сюжетом психологических исследований в области киберпсихологии, которые, заметим, также реализуются преимущественно на юношеских и молодежных выборках. И именно в этом пространстве исследовательских практик возникает, на наш взгляд, с одной стороны — наибольшая радикализация оценок этих следствий, а с другой — максимально расширительное толкование полученных эмпирических данных. Так, сегодня существуют исследования, посвященные различным аспектам цифровой трансформации личности, среди которых: изучение «цифрового гражданства» (Mossberger, Tolbert, McNeal, 2007), анализ закономерностей создания «виртуальных двойников», включающихся в процессы конструирования идентичности (Belk, 2016), определение взаимосвязей и «взаимопереходов» характеристик реальной и виртуальной идентичности (Rui, Stefanone, 2013; Herring, Kapidzic, 2015; Голубева, 2020; Соболева, 2021) и т.п. В качестве основных рисков «цифровизации личности» при этом выделяют: возможные проблемы идентификации («спутанная» и/или «диффузная» идентичности); деперсонализацию и ее влияние на процессы социального и личностного выбора; искусственное поддержание компенсаторных аспектов «Я», затрудняющее его развитие и т.д.

Подчеркнем, что есть позиции, пытающиеся рассмотреть обозначенные проблемы комплексно, а именно — с точки зрения неизбежных (и потому не подлежащих оценке по шкале «риск — новая возможность») следствий цифровизации. Так, в рамках социально-когнитивной концепции цифровой социализации (Войскунский, Солдатова, 2021) обозначенные личностные риски рассматриваются в рамках идеи «человека достроенного» в силу его определенного цифрового «расширения» (Belk, 2016), при котором существование в смешанной реальности уже просто не позволяет говорить о традиционных вариантах построения «Я» как центральной образующей

личности. Заметим здесь же, что особенностью исследований рисков цифровизации с этой точки зрения является их обращенность преимущественно к юношескому возрасту, что неудивительно: особенности социопсихического развития «цифровых аборигенов» позволяют не только наглядно представить как позитивные, так и негативные следствия цифровой эпохи, но и спрогнозировать динамику «цифрового разрыва» между отдельными поколениями.

В связи со всем вышесказанным необходимым, на наш взгляд, является продолжение накопления конкретной эмпирики, отражающей различные грани цифровой социализации во взаимосвязи с общим уровнем текущей социально-психологической адаптации и, как следствие, психологическим благополучием, особенно в молодежных когортах. Имеющийся на сегодняшний день достаточно объемный массив эмпирических данных, накопленный как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях, довольно разнороден, в том числе в силу недостаточной разработанности методического инструментария, позволяющего изучать особенности психологической адаптации и благополучия человека именно в условиях цифровизации повседневности.

В проведенном эмпирическом исследовании мы ставили перед собой задачу определить возможные взаимосвязи уровня психологического благополучия и содержательно связанных с ним личностных диспозиций с особенностями адаптации к цифровой повседневности. Исследование проводилось в октябре-ноябре 2022 года с помощью Google-форм и носило пилотажный характер.

Методы

1) Для определения уровня психологического благополучия личности использовалась «Шкала психологического благополучия Варвик — Эдинбург» (Warwick-Edinburgh Mental Wellbeing Scale — WEMWBS) в русскоязычной адаптации (Шилко, Долгих, Алмазова, 2018). В основе ее лежит понимание психологического благополучия как позитивного мировосприятия, способности к положительным переживаниям и эффективному функционированию. Выбор данной методики для реализации задач работы был обусловлен прежде всего ее достаточной распространенностью в современных исследованиях потенциала личностного развития на юношеских выборах (Молчанов, Алмазова, Поскребышева, 2022).

2) В качестве содержательно связанных с уровнем психологического благополучия были выбраны показатели оптимизма и жиз-

нестойкости личности. Их выбор был основан на данных ряда зарубежных и отечественных исследований, в которых отмечается устойчивая взаимосвязь уровня диспозиционного оптимизма и показателей жизнестойкости человека с психологическим благополучием на разных возрастных этапах и в различных социокультурных ситуациях развития (Леонтьев, Рассказова, 2006; Carver, Scheier, 2014). Использовалась «Шкала диспозиционного оптимизма» (Life Orientation Test — LOT-R) в последней версии и недавней русскоязычной адаптации (Гордеева, Сычев, Осин, 2021) и краткая версия теста жизнестойкости, включающего в себя три субшкалы — вовлеченности, контроля и принятия риска (Осин, Рассказова, 2013).

Для определения уровня психологической адаптации к цифровой повседневности был создан специальный опросник, который включал в себя 5 шкал: 1) шкалу поведенческой адаптации, понимаемой как умение обеспечить собственную безопасность в цифровом мире; 2) шкалу поведенческой адаптации, понимаемой как грамотность информационного поиска; 3) шкалу коммуникативной адаптации к цифровому миру как повседневной включенности в виртуальную коммуникацию и адекватности взаимопонимания; 4) шкалу нормативной адаптации к цифровизации как отсутствие склонности к обману, мошенничеству в виртуальной коммуникации; 5) шкалу цифровой тревожности, понимаемой как ощущение потери человеком своей субъектности, переживание невозможности на что-либо повлиять в силу цифровизации (всего 40 утверждений, согласие с которыми оценивалось по шкале Лайкерта от 1 до 5; шкалы включали в себя прямые и обратные утверждения). Мы предполагали, что высокий уровень психологической адаптации к цифровой повседневности будет складываться из высоких показателей по первым четырем шкалам и низких — по пятой.

Статистическая обработка полученных данных проводилась с помощью стандартного пакета SPSS–21 для Windows.

Гипотезы в силу пилотажного характера исследования не детализировались и состояли в общем предположении о том, что существует взаимосвязь между показателями психологического благополучия и связанными с ними личностными диспозициями и уровнем психологической адаптации к повседневным рискам цифрового мира.

Выборка

Выборка исследования состояла из 131 человека — студентов московских вузов, средний возраст которых составлял 22,8 лет (ме-

диана возраста = 21). В силу объективных ограничений (большинство опрошенных были студентами гуманитарных факультетов) выборка не сбалансирована по полу (118 девушек, 13 юношей).

Результаты

Так как одной из задач исследования был пилотаж методики, созданной для оценки степени адаптации к рискам цифрового мира, то прежде всего была проведена оценка надежности (внутренней согласованности) теоретически разработанных шкал психологической адаптации к цифровым рискам, а именно — рассчитывались показатели коэффициента альфа Кронбаха по каждой шкале (табл. 1). Можно видеть, что наиболее внутренне согласованной и надежной выглядит шкала цифровой тревожности, наименее — шкала поведенческой адаптации как грамотности информационного поиска, хотя и эти значения представляются приемлемыми для пилотажного этапа.

Таблица 1

Показатели альфа Кронбаха по опроснику «Психологическая адаптация к цифровизации»

Шкалы	Шкала 1	Шкала 2	Шкала 3	Шкала 4	Шкала 5
Показатели альфа-Кронбаха	0,595	0,380	0,487	0,385	0,705

Примечание: шкала 1 — поведенческая адаптация, как умение обеспечить собственную безопасность в цифровом мире; шкала 2 — поведенческая адаптация, как грамотность информационного поиска; шкала 3 — коммуникационная адаптация к цифровому миру; шкала 4 — нормативная адаптация к цифровизации; шкала 5 — цифровая тревожность.

Table 1

Alpha Cronbach indicators according to the questionnaire “Psychological adaptation to digitalization”

Scales	Scale 1	Scale 2	Scale 3	Scale 4	Scale 5
Alpha Cronbach exponents	0.595	0.380	0.487	0.385	0.705

Note: scale 1 — behavioral adaptation, as the ability to ensure one’s own security in the digital world; scale 2 — behavioral adaptation, as information retrieval literacy; scale 3 — communicational adaptation to the digital world; scale 4 — normative adaptation to digitalization; scale 5 — digital anxiety.

В силу того, что не все показатели по шкалам использованных в исследовании методик имели нормальное распределение, при

дальнейшем определении корреляционных связей использовались непараметрические критерии. Корреляционный анализ данных по критерию Спирмена, полученных по шкале психологического благополучия, с данными по тесту жизнестойкости и шкалой диспозиционного оптимизма (табл. 2) дал вполне ожидаемые результаты высокой взаимосвязанности, неоднократно уже отмечавшиеся во многих других исследованиях, посвященных изучению личностных предикторов психологического благополучия (Леонтьев, Рассказова, 2006; Гордеева, Сычев, Осин, 2010; Личностный потенциал..., 2011; Carver, Scheier, 2014 и др.).

Таблица 2

Взаимосвязь психологического благополучия с жизнестойкостью и диспозиционным оптимизмом

Шкалы	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска	Жизнестойкость	Оптимизм	Пессимизм	Диспозиционный оптимизм
Психологическое благополучие	0,716***	0,702***	0,712***	0,774***	0,617***	-0,595***	0,677***

Примечание. Уровень значимости *** $p \leq 0,001$.

Table 2

Relationship of psychological well-being with resilience and dispositional optimism

Scales	Involve-ment	Control	Risk acceptance	Vitality	Optimism	Pessimism	Dispo-sitional optimism
Psychological well-being	0.716***	0.702***	0.712***	0.774***	0.617***	-0.595***	0.677***

Note. Significance level *** $p \leq 0,001$.

Переходя к основной задаче исследования, а именно — к определению взаимосвязей между различными показателями психологической адаптации к цифровизации с личностными диспозициями, мы провели корреляционный анализ по критерию Спирмена. Полученные корреляции представлены в табл. 3.

Таблица 3

Взаимосвязь шкал психологической адаптации к цифровизации
с личностными диспозициями

Шкалы	1 шкала	2 шкала	3 шкала	4 шкала	5 шкала
Психологическое благополучие	-0,116	0,029	0,001	0,13	-0,339***
Вовлеченность	0,02	0,088	-0,03	0,284***	-0,360***
Контроль	0,016	0,235**	-0,111	0,274**	-0,340***
Принятие риска	-0,055	0,156	-0,102	0,250**	-0,296***
Жизнестойкость	0,006	0,175*	-0,084	0,291***	-0,368***
Оптимизм	-0,077	0,009	-0,058	0,204*	-0,189*
Пессимизм	0,091	0,02	-0,075	-0,081	0,242**
Диспозиционный оптимизм	-0,096	-0,007	-0,002	0,16	-0,240**

Примечание: шкала 1 — поведенческая адаптация, как умение обеспечить собственную безопасность в цифровом мире; шкала 2 — поведенческая адаптация, как грамотность информационного поиска; шкала 3 — коммуникационная адаптация к цифровому миру; шкала 4 — нормативная адаптация к цифровизации; шкала 5 — цифровая тревожность.

Уровень значимости. * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$, *** $p \leq 0,001$

Table 3

Interrelation of scales of psychological adaptation to digitalization with personal
dispositions

Scales	Scale 1	Scale 2	Scale 3	Scale 4	Scale 5
Psychological well-being	-0.116	0.029	0.001	0.13	-0.339***
Involvement	0.02	0.088	-0.03	0.284***	-0.360***
Control	0.016	0.235**	-0.111	0.274**	-0.340***
Risk acceptance	-0.055	0.156	-0.102	0.250**	-0.296***
Vitality	0.006	0.175*	-0.084	0.291***	-0.368***
Optimism	-0.077	0.009	-0.058	0.204*	-0.189*
Pessimism	0.091	0.02	-0.075	-0.081	0.242**
Dispositional optimism	-0.096	-0.007	-0.002	0.16	-0.240**

Note. Scale 1 — behavioral adaptation, as the ability to ensure one's own security in the digital world; scale 2 — behavioral adaptation, as information retrieval literacy; scale 3 — communicational adaptation to the digital world; scale 4 — normative adaptation to digitalization; scale 5 — digital anxiety.

Significance level. * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$, *** $p \leq 0,001$

Можно видеть, что вполне ожидаемо цифровая тревожность оказалась отрицательно связана с психологическим благополучием, всеми субшкалами жизнестойкости и диспозиционным оптимизмом.

Нормативная адаптивность к рискам цифровизации (как отсутствие склонности к обману и мошенничеству в виртуальной коммуникации) оказалась в наибольшей степени связана с жизнестойкостью, причем как с общим ее уровнем, так и по отдельным субшкалам, и не связана ни с уровнем психологического благополучия, ни с диспозиционным оптимизмом.

Поведенческая адаптивность как грамотность информационного поиска оказалась не связана с психологическим благополучием и диспозиционным оптимизмом, но давала высоко-значимые корреляции с субшкалой контроля из теста жизнестойкости.

Коммуникативная адаптивность к рискам цифровизации, понимаемая как повседневная включенность в виртуальную коммуникацию, не имела значимых корреляций ни с одной из стандартизированных методик.

Обсуждение результатов

Полученные результаты достаточно противоречивы: оказалось, что часть показателей цифровой адаптации не имеет взаимосвязей ни с уровнем психологического благополучия, ни с традиционно связанными с ним личностными диспозициями. Только такой параметр адаптации, как цифровая тревожность ожидаемо дал искомые корреляции. Уточним, что высокие показатели по цифровой тревожности соответствовали согласию респондентов с утверждениями, что они не могут практически ничего контролировать в виртуальной коммуникации в силу уверенности в «неизменности цифрового следа» и «слежки со стороны Большого брата», то есть фактически были свидетельством малой субъектности респондентов и их чувства незащищенности в цифровой среде. Подобный результат может быть отражением общей социальной тревожности наших респондентов — как в силу их возраста, требующего множественных социальных выборов и решений, так и в силу актуальной социальной ситуации в целом. Иными словами, он представляется вполне логичным с точки зрения существующих вызовов к социально-психологической адаптации в целом.

Однако все другие показатели адаптации, рассмотренные через призму совладания с рисками цифровизации, свидетельствуют, что в цифровой среде традиционные связи психологического благопо-

лучия и адаптированности меняются. Так, например, отсутствие склонности к мошенничеству и обману в цифровой среде (нормативная адаптация), будучи, с одной стороны, основанием для высокого уровня жизнестойкости и, как представляется, отражением общей приверженности человека к следованию социальным нормам, в то же время не становится для молодежи основанием для психологического благополучия и не приводит к оптимистичной картине мира. Еще более противоречивыми являются результаты, касающиеся поведенческой адаптации к рискам цифровизации. С одной стороны, взаимосвязь грамотности информационного поиска и контроля за своей жизнью как одного из показателей жизнестойкости представляется вполне логичной. Активные действия по поиску необходимой информации с опорой на понимание принципов безопасного поведения в цифровой среде вполне согласовываются с убежденностью в том, что собственная деятельность позволяет влиять на результат происходящего. С другой — отсутствие связей между умением обеспечить свою цифровую безопасность и психологическим благополучием, а также оптимизмом, очевидно свидетельствует о внутренних сомнениях респондентов в эффективности подобного влияния. Что же касается отсутствия связей коммуникативной адаптации к рискам цифровизации с психологическим благополучием, параметрами жизнестойкости и диспозиционным оптимизмом, то, с нашей точки зрения, это может объясняться фактом высокой включенности наших респондентов в виртуальную коммуникацию, которая для наших респондентов уже неотделима от реального общения.

Выводы

Обобщая, можно сказать, что традиционно отмечаемая в исследованиях взаимосвязь уровня психологической адаптации человека и его психологического благополучия претерпевает, судя по всему, существенные трансформации в цифровом мире, особенно если речь идет о молодежи. Будучи глубоко коммуникативно включенными в реалии повседневной цифровизации, современные юноши и девушки, с одной стороны, обладают развернутым репертуаром навыков для обеспечения собственной цифровой безопасности и организации осознанного информационного поиска, а также, как правило, следуют определенным нормам виртуального взаимодействия, созвучными с социальными нормативами. Однако — что было для нас достаточно неожиданным результатом — это не повышает их уверенности в способности защитить себя и хоть как-то влиять на собственную

цифровую повседневность, что и объясняет, на наш взгляд, в целом слабую связанность показателей адаптации с психологическим благополучием, общей жизнестойкостью и диспозиционным оптимизмом.

В заключение отметим, что дальнейшая работа по доработке методического инструментария, позволяющего оценить уровень адаптированности нашего современника к реалиям цифрового мира, должна включать в себя более детализированную психометрическую проверку (в частности, разные варианты факторного анализа получаемых с ее помощью данных) в сочетании с обращением к другим выборкам — как с точки зрения представленности в них более старших возрастов, так и увеличения числа респондентов.

Литература

Асмолов А.Г., Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Малева Т.М., Алдошина Т.Л., Сорокина С.С. Кросскультурный мониторинг образов пандемии и инфодемии. Антропологические последствия // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. Т. 114, № 12. С. 40–49.

Белинская Е.П. Точность межличностного восприятия в условиях опосредованного знакомства в социальных сетях // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6, № 4. С. 91–108.

Белинская Е.П., Илюхина С.Н. Пространство социальных сетей как фактор радикализации конфликта в виртуальном взаимодействии // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 4 (14). С. 17–29.

Войсункинский А.Е., Солдатова Г.У. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 3. С. 431–450.

Голубева Н.А. Особенности цифровой идентичности подростков и молодежи в современном технологическом обществе // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 1. С. 130–150.

Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Диагностика диспозиционного оптимизма: валидность и надежность опросника ТДО-П // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 1. С. 34–55.

Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Оптимистический атрибутивный стиль и диспозиционный оптимизм: эмпирическая проверка сходства и различия двух конструкторов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 14, № 4. С. 756–765.

Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Разработка русскоязычной версии Теста диспозиционного оптимизма (LOT) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 36–64.

Емельянова Т.П., Нестик Т.А. Проблема глобальных рисков в социально-психологических исследованиях // Психология человека как субъекта познания,

общения и деятельности / Отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлев. М.: ИП РАН, 2018.

Ениколопов С.Н., Казьмина О.Ю., Воронцова О.Ю., Медведева Т.И., Бойко О.М. Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 // Психолого-педагогические исследования 2020. Т. 12, № 2. С. 108–126. URL: <https://psy.su/feed/8182/> (дата обращения: 12.01.2023).

Карпов А.В., Воронова Т.А. Цифровизация и развитие психики ребенка: вызовы нового времени // Человеческий капитал. 2021. № 8 (152). С. 22–28.

Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.

Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011.

Марцинковская Т.Д. Информационное пространство транзитивного общества: проблемы и перспективы развития // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27, № 3 (105). С. 77–96.

Молчанов С.В., Алмазова О.В., Поскребышева Н.Н. Особенности психологического благополучия молодежи с различным опытом и мотивацией волонтерской деятельности // Научно-педагогическое обозрение. 2022. № 6 (46). С. 181–192.

Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2018. Т. 39, № 1. С. 127–138.

Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ и перспективы исследований // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. Е.А. Сергиенко, А.Л. Журавлев. М.: ИП РАН, 2021.

Нестик Т.А., Задорин И.В. Отношение россиян к глобальным рискам: социально-демографические и психологические факторы восприятия угроз // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 4–28.

Осин Е.Н. Факторная структура краткой версии теста жизнестойкости // Организационная психология. 2013. Т. 3, № 3. С. 42–60.

Осин Е.Н., Рассказова Е.И. Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 2. С. 147–165.

Панов В.И., Патраков Э.В. Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия. М.: «Психологический институт РАО», 2020.

Радаев В.В. Миллениалы. Как меняется российское общество: монография. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.

Соболева М.О. Особенности построения исследований виртуальной идентичности пользователей социальных сетей // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 4. С. 14–23.

Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности // Культурно-историческая психология. 2020. № 1 (4). С. 87–97.

Твенге Дж. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным. М.: Рипол-Классик, 2019.

Файола Э., Войскунский А.Е., Богачева Н.В. Человек дополненный: становление киберсознания // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 147–162.

Храпов С.А., Баева Л.В. Философия рисков цифровизации образования: когнитивные риски и пути создания безопасной образовательной среды // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 17–26

Шилко Р.С., Долгих А.Г., Алмазова О.В., Измерение психического здоровья в образовательном пространстве: шкала психологического благополучия Варвик-Эдинбург. // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. В 2 ч. Часть 1. / под общ. ред. Л.А. Цветковой, Е.Н. Волковой, А.В. Микляевой. СПб: РГПУ. 2018.

Attitudes to global risk and governance survey. (2018). Stockholm: Global Challenges Foundation. URL: <https://api.globalchallenges.org/static/files/ComRes2018.pdf> (review date: 17.01.2023).

Avin, S., Wintle, B. C., Weitzdörfer, J., ÓhÉigeartaigh, S.S., Sutherland, W.J., Rees, M.J. (2018). Classifying global catastrophic risks. *Futures*. September (review date: 17.01.2023).

Belk, R. (2016). Extended self and the digital world. *Current Opinion in Psychology*, 10, 50–54.

Brubaker, R. (2020). Digital hyperconnectivity and the self. *Theory and Society*, 49, 5–6, 771–801.

Carver, C.S., Scheier, M.F. (2014). Dispositional optimism. *Trends in Cognitive Sciences*, 18 (6), 293–299.

Clayton, S., Manning, C.M., Krygsman, K., Speiser, M. (2017). Mental health and our changing climate: Impacts, implications, and guidance. Washington, DC: American Psychological Association/Climate for Health/ecoAmerica. (Retrieved from <https://www.apa.org/news/press/releases/2017/03/mental-health-climate.pdf>) (review date: 01.02.2023).

Floridi, L. (2014). The Fourth revolution. How the infosphere is reshaping human reality. Oxford University Press.

Herring, S.C., Kapidzic, S. (2015). Teens, gender, and self-presentation in social media. International encyclopedia of social and behavioral sciences (Eds.), In J.D. Wright. 2nd edition. Oxford: Elsevier.

Jacobson, N.C., Lekkas, D., Price, G., Heinz, M.V., Song, M., O'Malley, A.J., Barr, P.J. (2020). Flattening the Mental Health Curve: COVID-19 Stay-at-Home Orders Are Associated With Alterations in Mental Health Search Behavior in the United States. *JMIR Mental Health*, June 1, 7 (6).

Mossberger, K., Tolbert, C.J., McNeal, R.S. (2007). Digital citizenship: The Internet, society, and participation. Cambridge, MA: MIT Press.

Montemurro, N. (2020). The emotional impact of COVID-19: From medical staff to common people. *Brain Behavior Immunity*, 87, 23–24

Otrel-Cass, K. (Ed.). (2019). Hyperconnectivity and digital reality: Towards the eutopia of being human. Cham, Switherland: Springer.

Przybylski, A.K., Weinstein N. (2013). Can you connect with me now? How the presence of mobile communication technology influences face-to-face conversation quality. *Journal of Social and Personal Relationships*, 30 (3), 237–246.

Rönnlund, M., Del Missier, F., Mäntylä, T., Carelli, M.G. (2019). The fatalistic decision maker: Time perspective, working memory, and older adults' decision-making competence. *Frontiers in Psychology*, 10, 2038.

Rui, J., Stefanone, M. (2013). Strategic self-presentation online: A cross-cultural study. *Computers in Human Behavior*, 29, 110–118.

Sparrow, B., Liu, J., Wegner, D.M. (2011). Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips. *Science*, 333 (6043), 776–778.

The Global Risks Report. (2016). 11th ed. Geneva: World Economic Forum. (Retrieved from <http://reports.weforum.org/global-risks-2016/>).

Tkhostov, A.Sh., Rikel, A.M., Vialkova, M.Ye. (2022). Fake News through the Eyes of Three Generations of Russians: Differences and Similarities in Social Representations. *Psychology in Russia: State of the Art*, 15 (1), 83–102.

Yu, H., Li, M., Li, Z., Xiang, W., Yuan, Y., Liu, Y., Xiong, Z. (2020). Coping Style, Social Support and Psychological Distress in the General Chinese Population in the Early Stages of the COVID-2019 Epidemic. Social Support and Psychological Distress in the General Chinese Population in the Early Stages of the COVID-2019 Epidemic.

References

Asmolov, A.G., Soldatova, G.U., Chigarkova, S.V., Maleva, T.M., Aldoshina, T.L., Sorokina, S.S. (2020). Cross-cultural monitoring of pandemic and infodemic images. Anthropological consequences. *Monitoring ekonomicheskoi situatsii v Rossii. Tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya (Monitoring of the economic situation in Russia. Trends and challenges of socio-economic development)*, 114, 12, 40–49. (In Russ.).

Attitudes to global risk and governance survey. (2018). Stockholm: Global Challenges Foundation, 2018. URL: <https://api.globalchallenges.org/static/files/ComRes2018.pdf> (review date: 17.01.2023).

Avin, S., Wintle, B. C., Weitzdörfer, J., ÓhÉigeartaigh, S.S., Sutherland, W.J., Rees, M.J. (2018). Classifying global catastrophic risks. *Futures*. September (review date: 17.01.2023).

Belinskaya, E.P. (2015). The accuracy of interpersonal perception in conditions of mediated acquaintance in social networks. *Social'naya psihologiya i obshchestvo (Social psychology and society)*, 6, 4, 91–108. (In Russ.).

Belinskaya, E.P., Ilyukhina, S.N. (2018). Space of social networks as a factor of conflict radicalization in virtual interaction. *Vestnik RGGU. Seriya «Psihologiya. Obrazovanie. Pedagogika» (Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series "Psychology. Pedagogy. Education")*, 4 (14), 17–29. (In Russ.).

Belk, R. (2016). Extended self and the digital world. *Current Opinion in Psychology*, 10, 50–54.

Brubaker, R. (2020). Digital hyperconnectivity and the self. *Theory and Society*, 49, 5–6, 771–801

Carver, C.S., Scheier, M.F. (2014). Dispositional optimism. *Trends in Cognitive Sciences*, 18 (6), 293–299.

Clayton S., Manning C. M., Krygsman K., Speiser M. (2017). Mental health and our changing climate: Impacts, implications, and guidance. Washington, DC: American Psychological Association/Climate for Health/ecoAmerica. (Retrieved from <https://www.apa.org/news/press/releases/2017/03/mental-health-climate.pdf>) (review date:01.02.2023).

Emelyanova, T.P., Nestik, T.A. (2018). The problem of global risks in socio-psychological research. In V.V. Znakov, A.L. Zhuravlev (Eds.), *Psychology of man as a subject of knowledge, communication and activity* (pp. 696--705). M.: IP RAN. (In Russ.).

Enikolopov, S.N., Kazmina, O.Yu., Vorontsova, O.Yu., Medvedeva, T.I., Boyko, O.M. (2020). Dynamics of psychological reactions at the initial stage of the COVID-19 pandemic. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya (Psychological and pedagogical research)*, 12, 2. (Retrieved from <https://psy.su/feed/8182/>) (review date: 01.12.2023). (In Russ.).

Fayola, E., Voiskunsky, A.E., Bogacheva, N.V. (2016). Augmented Man: Formation of Cyber Consciousness. *Voprosy filosofii (Questions of Philosophy)*, 3, 147–162. (In Russ.).

Floridi, L. (2014). *The Fourth revolution. How the infosphere is reshaping human reality*. Oxford University Press.

Golubeva, N.A. (2020). Features of the digital identity of adolescents and youth in the modern technological society. *Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie»*. (*Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Psychology. Pedagogy. Education"*), 1, 130–150. (In Russ.).

Gordeeva, T.O., Sychev O.A., Osin E.N. (2017). Optimistic attributive style and dispositional optimism: an empirical test of the similarity and difference between two constructs. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki (Psychology Journal of the Higher School of Economics)*, 14, 4, 756–765. (In Russ.).

Gordeeva, T.O., Sychev, O.A., Osin, E.N. (2010). Development of the Russian version of the Dispositional Optimism Test (DOT). *Psikhologicheskaya diagnostika (Psychological Diagnostics)*, 2, 36–64. (In Russ.).

Gordeeva, T.O., Sychev, O.A., Osin, E.N. (2021). Diagnostics of dispositional optimism: validity and reliability of the TDO-P questionnaire. *Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki (Psychology Journal of the Higher School of Economics)*, 1 (18), 34–55. (In Russ.).

Herring, S.C., Kapidzic, S. (2015). Teens, gender, and self-presentation in social media. *International encyclopedia of social and behavioral sciences*. In J.D. Wright. 2nd edition. (Eds.). Oxford: Elsevier.

Jacobson, N.C., Lekkas, D., Price, G., Heinz, M.V., Song, M., O'Malley, A.J., Barr, P.J. (2020). Flattening the Mental Health Curve: COVID-19 Stay-at-Home Orders Are Associated With Alterations in Mental Health Search Behavior in the United States. *JMIR Mental Health*, June 1, 7 (6).

Karpov, A.V., Voronova, T.A. (2021). Digitalization and development of the child's psyche: challenges of the new time. *Human Capital*, 8 (152), 22–28. (In Russ.).

Khrapov, S.A., Baeva, L.V. (2021). Philosophy of the risks of digitalization of education: cognitive risks and ways to create a safe educational environment. *Voprosy filosofii (Questions of Philosophy)*, 4, 17–26. (In Russ.).

Leontiev, D.A., Rasskazova, E.I. (2006). Vitality test. M.: Meaning. (In Russ.).

Martsinkovskaya, T.D. (2019). Information space of a transitive society: problems and development prospects. *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya (Consultative psychology and psychotherapy)*, 27, 3 (105), 77–96. (In Russ.).

Molchanov, S.V., Almazova, O.V., Poskrebysheva, N.N. (2022). Peculiarities of psychological well-being of young people with different experience and motivation for volunteering. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie (Scientific and Pedagogical Review)*, 6 (46), 181–192. (In Russ.).

Montemurro, N. (2020). The emotional impact of COVID-19: From medical staff to common people. *Brain Behavior Immunity*, 87, 23–24.

Mossberger, K., Tolbert, C.J., McNeal, R.S. (2007). Digital citizenship: The Internet, society, and participation. Cambridge, MA: MIT Press.

Nestik, T.A., Zadorin, I.V. (2020). Attitude of Russians to global risks: socio-demographic and psychological factors of threat perception. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny (Monitoring of public opinion: economic and social changes)*, 5, 4–28. (In Russ.).

Nestik, T.A., Zhuravlev, A.L. (2018). Attitude to global risks: socio-psychological analysis. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological Journal)*, 39, 1, 127–138. (In Russ.).

Nestik, T.A., Zhuravlev, A.L. (2021). Attitude to global risks: socio-psychological analysis and research perspectives. In E.A. Sergienko, A.L. Zhuravlev (Eds.), *Development of concepts of modern psychology* (pp. 127–138). Moscow: IP RAN. (In Russ.).

Osin, E.N. (2013). Factor structure of the short version of the hardiness test. *Organizatsionnaya psikhologiya (Organizational Psychology)*, 3, 3, 42–60. (In Russ.).

Osin, E.N., Rasskazova, E.I. (2013). A short version of the hardiness test: psychometric characteristics and application in an organizational context. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14, Psikhologiya (Bulletin of the Moscow University "Psychology". Series 14. Psychology)*, 2, 147–165. (In Russ.).

Orel-Cass, K. (Ed.). (2019). Hyperconnectivity and digital reality: Towards the eutopia of being human. Cham, Switzerland: Springer.

Panov, V.I., Patravok, E.V. (2020). Digitalization of the information environment: risks, perceptions, interactions. M.: Psychological Institute of the Russian Academy of Education. (In Russ.).

Personal potential: structure and diagnostics / Ed. D.A. Leontiev (2011). M.: Meaning.

Przybylski, A.K., Weinstein N. (2013). Can you connect with me now? How the presence of mobile communication technology influences face-to-face conversation quality. *Journal of Social and Personal Relationships*, 30 (3), 237–246.

Radaev, V.V. (2020). Millennials. How Russian society is changing: a monograph. M Moscow: Ed. house of the Higher School of Economics. (In Russ.).

Rönnlund, M., Del Missier, F., Mäntylä, T., Carelli, M.G. (2019). The fatalistic decision maker: Time perspective, working memory, and older adults' decision-making competence. *Frontiers in Psychology*, 10, 2038.

Rui, J., Stefanone, M. (2013) Strategic self-presentation online: A cross-cultural study. *Computers in Human Behavior*, 29, 110–118.

Shilko, R.S., Dolgikh, A.G., Almazova, O.V. (2018). Measurement of mental health in the educational space: the Warwick-Edinburgh scale of psychological well-being. In L.A. Tsvetkova, E.N. Volkova, A.V. Miklyaeva (Eds.), *Herzen Readings: Psychological Research in Education*. In 2 parts. Part 1. (pp. 278–283). St. Petersburg: RGPU. (In Russ.).

Soboleva, M.O. (2021). Features of constructing research on the virtual identity of users of social networks. *Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie» (Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series “Psychology. Pedagogy. Education”)*, 4, 14–23. (In Russ.).

Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I. (2020). Results of digital transformation: from online reality to mixed reality. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya (Cultural-historical Psychology)*, 1 (4), 87–97. (In Russ.).

Sparrow, B., Liu, J., Wegner, D.M. (2011). Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips. *Science*, 333 (6043), 776–778.

The Global Risks Report (2016). 11th ed. — Geneva: World Economic Forum., 2016 (Retrieved from <http://reports.weforum.org/global-risks-2016/>).

Tkhostov, A.Sh., Rikel, A.M., Vialkova, M.Ye. (2022) Fake News through the Eyes of Three Generations of Russians: Differences and Similarities in Social Representations. *Psychology in Russia: State of the Art*, 15 (1), 83–102.

Twenge, Gene (2019). Generation I. Why the Internet generation lost its rebellious spirit and became more tolerant. MoscowM: Ripol-Classic. (In Russ.).

Voiskunsky, A.E., Soldatova, G.U. (2021). Socio-cognitive concept of digital socialization: a new ecosystem and social evolution of the psyche. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki (Psychology. Journal of the Higher School of Economics)*, 18, 3, 431–450. (In Russ.).

Yu, H., Li, M., Li, Z., Xiang, W., Yuan, Y., Liu, Y., Xiong, Z. (2020). Coping Style, Social Support and Psychological Distress in the General Chinese Population in the Early Stages of the COVID-2019 Epidemic. Social Support and Psychological Distress in the General Chinese Population in the Early Stages of the COVID-2019 Epidemic.

Поступила: 13.04.2023

Получена после доработки: 12.05.2023

Принята в печать: 06.08.2023

Received: 13.04.2023

Revised: 12.05.2023

Accepted: 06.08.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Павловна Белинская — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, elena_belinskaya@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>

Забир Дамирович Шаехов — психолог кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, shaehovzd@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9121-6082>

ABOUT THE AUTHORS

Elena P. Belinskaya — Dr. Sci. (Psychology), Professor at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, elena_belinskaya@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>

Zabir D. Shaekhov — psychologist of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, shaehovzd@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9121-6082>